

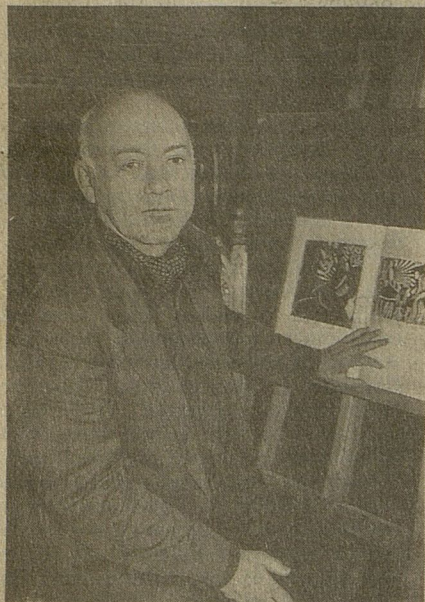

Фото Бориса ГОРЕВА

“Вторая реальность” Бориса Мессерера

его — в самом высоком смысле слова — ремесла, возведенного им до уровня уверенного в себе, но отнюдь не самодовольного мастерства.

Неподдельное отличается от подделки прежде всего своим удельным весом, то есть плотностью вещества, сути. Выставка Мессерера, его живописные работы, собранные вместе в стенах Академии художеств, поразили меня именно плотностью, насыщенностью красок и композиции: вещи и пространство, ими обжитое на полотне или на офорте, как бы вырываются, бунтуют, из тесных им рамок. Эта “вторая реальность”, созданная художником, словно бы бросает вызов реальности обыденной, повседневной, преобразуя ее в факт искусства — не менее реально-вещественный, чем факт действительности. Наибольденнейшие материалы и предметы — граммофон, пилы, пассатижи, перфорированный лист металла, старые зонты и кружева — обретают новую жизнь и новый, уже на уровне художественного образа, смысл. Диву даешься неумной и дерзкой фантазии художника, неожиданности и небанальности его восприятия реальности, незабываемой его уверенности в своем праве, преобразуя ее, обнаружи-

вать в ней то, чего она сама, может быть, в себе и не подозревает.

Есть что-то знойно-страстное в его “танцах в стиле ретро”, в его “арлекиниадах”, в его абстрактных композициях. И это его роднит не, упаси Бог, с нынешней модой, но с русской традицией серебряного века, как и с традицией средиземноморской — французской, испанской, грузинской, и дело не в следовании высоким образцам, а в наследовании их по праву, в переплавке их в нечто совершенно свежее, новое и, как уже было сказано, дерзкое.

Я уж не говорю о его сценографии — его декорации поразительно изящны, воздушны, преисполнены внутреннего настроения и, главное, жестко не ограничены самими собою, и в них актеры не чувствуют себя пленниками декорации, не стеснены ею. Его эскизы и макеты не ограничивают пространство сцены — они, организуя его, как бы раздвигают сцену, и пространство становится простором. Как не говорю о гражданском мужестве художника, оформившего неподцензурный альманах “Метрополь”.

Это не итоговая выставка Мессерера — ему предстоит еще, давай Бог, долгая и счастливая жизнь в искусстве, и все же это итог: итог зрелости. А у таланта только один возраст и есть: зрелость. Зрелость, которой не заканчивается молодость, напротив, она как бы дарит художнику вторую.

Это очень молодая по страстности, по смелости и нестрогоженности художественных средств выставка. И зрелая по умению эту энергию, не растеряв ее и не умиляясь ею, выразить в четких, соразмерных формах собственного видения жизни.

Юлиу Эдлис

Когда живешь мало не половину жизни рядом, бок о бок с человеком, отношения с которым к тому же дают тебе лестное право считать его своим другом, то, перефразируя известное присловье, за деревьями не видишь леса. Ты видишь отдельные его черты, поступки, знаешь и высоко ставишь отдельные его работы, но за ними как бы не замечаешь, не охватываешь глазом и чувством его жизнь, его труд в целом, купно, во всем их объеме.

Выставка моего друга Бориса Мессерера подарила мне эту счастливую возможность — увидеть и понять всю непомерность сделанного им, поразиться многообразию и щедрости его таланта,

Лит. галерея. — 1994. — 19 окт. — с. 3.